

Зоп 940/2005/9

НЁМАН

9/2005

сентябрь

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционно-издательское учреждение
«Литература и Искусство»

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Таиса БОНДАРЬ. Рогнеда. Поэма.
Авторизованный перевод с белорусского Георгия Киселева 3

Брестская тетрадь

Проза

Юрий СОЛОНЕВИЧ. Зона тени. Роман 38
Анатолий КУДЛАСЕВИЧ. Встреча с Яросветом. Рассказ.
Авторизованный перевод с белорусского 121
Мария ЛЯШУК. Непридуманые истории 136

Впервые в «Нёмане»

Ирина БАТАКОВА. Ма. Рассказ 156

Поэзия

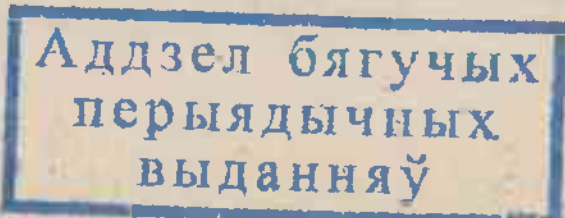
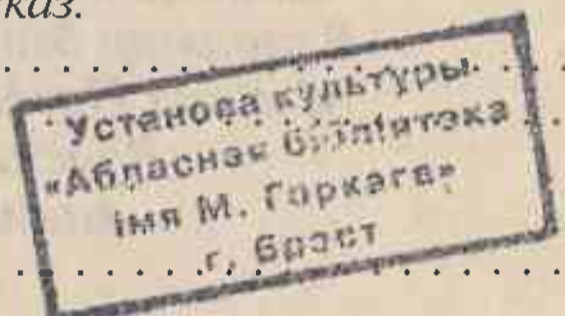
Василь ГОДУЛЬКО. Позднее сиянье. Стихи.
Перевод с белорусского Б. Спринчана 116
Из наследия. *Михась РУДКОВСКИЙ, Микола КУПРЕЕВ,*
Василь САХАРЧУК. Стихи. Переводы с белорусского В. Гришковца 133
Ты не глубинка — глубина. Алесь КАСКО, Сергей ОМЕЛЬЧУК,
Иван АРАБЕЙКА, Зиновий ВАГЕР, Микола ПРОКОПОВИЧ,
Микола МИЩЕНЧУК, Нина ГОРЕГЛЯД, Анатолий ДЕБИШ,
Василь ДЕБИШ, Иван ЛОГВИНОВИЧ, Алесь БАКАЧ, Микола ГОРБА,
Владимир ГЕТМАНЧУК, Владимир ГАРБАРУК, Игорь ШАРАЙ,
Ольга ПАНАСЮК, Ольга БЕРЕЖАНКА, Игорь СИДОРУК,
Виктор ВАБИЩЕВИЧ, Микола ПАПЕКА. Стихи.
Переводы с белорусского В. Гришковца 144

Впервые в «Нёмане»

Солнечный берег. Николай ЛАВРОВИЧ, Тамара ЛОЗНЮХА,
Наталья ПРИСТУПА, Валерий КОЗАКЕВИЧ. Стихи 165

Публицистика. Очерк

Любить и уважать — закон для руководителя. Беседа главного редактора
журнала «Нёман» Н. Чайки с председателем Брестского
областного исполнительного комитета К. А. Сумаром 31
Микола БУСЬКО. Извечное, святое... Перевод с белорусского М. Журавины 168

Литературная критика

- Валентина ЛОКУН. Еще раз о лейтенантах* 175
Николай ЛАВРОВИЧ. Читается на одном дыхании 178

Слово о товарище

- Юрий МАСЛОВ. Он был талантлив* 179

Время. Жизнь. Литература

- Ольга ГРИГОРЬЕВА. На перекрестках эпохи* 184

Что мы читаем

- Евгений КОРШУКОВ. «Всеми своим час»* 190

Искусство

- Наталья КОСТЮЧЕНКО. Пробуждение* 194

Из почты журнала

- Николай СЕНЧЕНКО. Культурная революция в Украине, или Управление деградацией* 198
Геннадий СЕНЮКОВ. Люба Матусевич против «Сатурна» 206
Авторы номера 208

Главный редактор
Нина ЧАЙКА

Редакционный совет

*Станислав Куняев, Валентин Лукаш, Игорь Лученок,
Владимир Макаров, Борис Олийник, Геннадий Пашков,
Михаил Поздняков (заместитель главного редактора),
Валентин Распутин, Михаил Савицкий,
Анатолий Сульянов, Николай Шевцов*

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются. Редакция только сообщает автору свое решение.
Работы меньше листа (до 24 машинописных стр.) не возвращаются.*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С. И. Сергейчик*
Стильредактор *Н. А. Пархимович*
Набор *Т. С. Чуйковой*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 1.09.05 г.
Формат 70×108 1/16. Бумага газетная. Усл. печ. л. 18,20. Уч.-изд. л. 18,27. Тираж 3706.
Регистрационный № 529. Зак. 2052.

Адрес редакции: 220005, г. Минск, пр. Независимости, 39.
Телефоны: главного редактора — 284-85-24; заместителя главного редактора — 284-41-88; отделов прозы,
общественной жизни, культуры, истории — 288-20-72; отделов поэзии, критики — 288-20-72;
отделов технического оформления — 284-80-12; корректорской — 284-66-73.
e-mail: minsk @ lim.by

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79.

© «Нёман», 2005, № 9, 1—208

Учредитель — Министерство информации Республики Беларусь

ВАЛЕНТИНА ЛОКУН

Еще раз о лейтенантах...

Краткие заметки о военной прозе
Николая Еленевского

Мне как критику и литературоведу по роду своей деятельности приходится следить за новинками литературы. Особенную заинтересованность вызывает творчество земляков. Все больше и больше убеждаешься, как щедра на таланты наша Пинщина. Вот и еще одно имя появилось — Николай Васильевич Еленевский. Помню, как потряс меня в свое время его рассказ «Южный склон», опубликованный на нёманских страницах. Прочла его на одном дыхании от первой до последней страницы. Степень эмоционального воздействия была чрезвычайно высокой.

Сейчас передо мной лежат два последних по времени произведения Н. Еленевского: документальное повествование «Хроника пикирующего разведчика», вошедшее в книгу «Небесный штурмовик», и художественная повесть «Чужие горы», которая также увидела свет в «Нёмане». Их объединяет тема войны, проблема ее нравственных итогов.

Главный герой «Хроники пикирующего разведчика» Булацкий Станислав Петрович — человек героической судьбы. Во время Великой Отечественной войны он воевал в легендарной 16-й воздушной армии (в этой же армии впоследствии будет служить автор «Хроники»), был награжден четырьмя орденами Красного Знамени. Последнее не так уж и часто встречается среди ветеранов-орденоносцев.

Героическая по сути биография военного летчика резко контрастирует с трагическими эпизодами жизни героя. Было и такое, что его, инструктора авиашколы, «переводили» в отдельный штрафной батальон. Правда, Булацкому повезло: он не погиб в штрафбате, как миллионы других, таких же безусых и безвинных. Свою «вину» искупил кровью, был реабилитирован и возвращен в боевую часть летчиком. Прошел войну в ее горячем небе до самой победы. Таким образом, остро поставленный социальный конфликт успешно разрешился, можно даже сказать, что разрешился нетипично для того исторического времени.

Булацкий закончил свою войну в отдельном разведывательном авиационном полку. В начале июня 1945 года он после ранения был списан медицинской комиссией в звании старшего лейтенанта. Тут следует подчеркнуть, что герой вышел из трагической ситуации не утратившим веры в справедливость, веры в человека.

«Военная» история Булацкого — это история человека, сильного духом, человека, который достойно представлял свое поколение. Поколение романтиков и мечтателей. И вместе с тем поколение трагическое. Романтиков — через их несокрушимую веру в светлое будущее своего народа; трагическое — потому что вера эта была мифической, иллюзорной. В этом их главное отличие от «потерянного» поколения, широко представленного в мировой литературе (Э. Хемингуэй,

Э. Ремарк, Дж. Олдингтон, Д. Дос Пассос и др.). «Лейтенанты» 40-х годов в советской литературе были одержимы идеей борьбы с врагом, идеей защиты родины. Отечественная война для них была их главным, можно сказать, личным делом. На этой волне в конце 50-х—начале 60-х годов родилась «лейтенантская» проза, которую достойно представляли белорус Василь Быков, россияне Ю. Бондарев, Г. Бакланов, В. Кондратьев, В. Некрасов и др. Нравственный максимализм, глубокое понимание личной ответственности за судьбу своего народа, готовность к самопожертвованию — вот что определяло характер героя войны 1941—1945 годов в советской литературе.

Постсоветская военная проза отходит от канонов классического гуманизма и устремляет свои взоры к христианскому учению о сущности человека и его роли в развитии мира.

Совершенно иной герой представлен литературой об афганской войне. Здесь чаще всего упоминается поколение «убитых» и «забытых».

Повесть Н. Еленевского «Чужие горы» тоже о поколении «лейтенантов». Его герой как будто и не совершает подвигов, но то короткое время его солдатской жизни, описанное в повести, можно считать настоящим подвигом человеческого духа.

Предваряя повествование, автор признается, что его повесть — это «аллилуйя вам, люди в чужих горах». Он посвятил ее «памяти выпускника Львовского высшего военно-политического училища, кавалера двух орденов Красной Звезды, военного журналиста, подполковника Валерия Глезденева». То есть своему другу и коллеге. Таким образом, автор и здесь подчеркивает свое пристрастие к документальному изложению событий войны. Нужно заметить, что «документализм» крепко держит прозу Н. Еленевского в своих тисках, диктует свои условия, иногда даже в ущерб психологической обеспеченности характера или художественного образа.

Главный герой повести «Чужие горы» — простой белорусский парень Василий Сябрукович. И имя, и фамилия подчеркивают национальную принадлежность героя. Старший лейтенант Сябрукович постоянно тосковал по родине, по «настоящим» ивам, покрывающим берега его родной Лани, реки, которая «всем рекам река. Маленькая?.. Да. Но ивы над ней... они как заплачут... и за себя, и за меня» (с. 9).

Все лучшее, что было в характере Василия, он получил от родной природы, от своего народа. Он стал их неотъемлемой частью. Вот характерная сцена: оказавшись в Афганистане, окруженный со всех сторон бандитами и обреченный на неминуемую смерть, Василий неожиданно замечает убитого афганца, почти мальчика, и... закрывает ему, мертвому, глаза. Даже в этой ситуации белорусский паренек не забывает о своем христианском и чисто человеческом долге. Казалось бы, одно движение руки, один маленький штрих, а как глубоко нравственно «засветился» характер, вскрылась его исконно народная, онтологическая сущность.

Вместе с тем, Сябрукович — дитя своего конкретного времени и конкретного окружения. Он жил и воспитывался у своей тетки, ибо мать его бросила совсем маленьким. В формировании мировосприятия героя участвовала сельская улица. Там Василь вместе с дружками пел под «зашорганую» гитару, предварительно распив «на пятерых» бутылку «солнцедара». Особенно модным в то время был шлягер Высоцкого о том, что настоящая мужская дружба проверяется в горах: «Парня в горы тyani, рискни...» Не мог Василий тогда предположить, что в его жизни тоже будут горы, только не романтически-притягательные, как у Высоцкого, а чужие и далекие, горы-убийцы — Афганские горы! Горы распорядились судьбой человека.

Образ гор проходит через всю повествовательную структуру повести. Это тоже субстанция, живая, движущаяся, многоликая. Идея противостояния человека и гор — одна из главных в произведении. Как бы сама природа восстала против

человека, испорченного цивилизацией. Замахнувшегося на незыблемое: «Не убий». Восстала против человека пришлого. И неважно, что он оказался здесь не по своей воле, что он тоже жертва — обстоятельств, жизни, судьбы. «Горы жили, дышали и ждали» (с. 26). «Крик проглотили горы. Скомкали и проглотили, зажевав автоматными и пулеметными очередями» (с. 26). Горы «издевательски следили за бежавшим человеком, чужим человеком с чужим криком» (с. 44).

Мир войны — это всегда трагический мир. Понятие смерти здесь уравнивается с понятием жизни. «Мужики, — восклицает один из персонажей повести, — смерть, она была, есть и будет. Она ведь бессмертна» (с. 39). В этих словах не было ни обреченности, ни страха, ни растерянности. Автор называет такое отношение к смерти «практицизмом» войны. Бойцы, не единожды заглянув в ее пустые глазницы, «перестали томить себя думами о смерти, как о чем-то далеком, совсем не пугающем. Взяли ее в свою компанию на равных правах с жизнью» (с. 39). Жизнь разводит людей по разные стороны баррикад, смерть уравнивает всех, и «своих», и «чужих», смерть «сделала их удивительно похожими» (с. 44).

Так что же представляет собой афганский народ? Этот вопрос также затрагивается в повести. «Тут до фени разные революции и контрреволюции, главное — чтобы имелся кусок лепешки и не стреляли» (с. 21), — убежден Петренко. Но так ли это? Афганский народ, вовлеченный в политические и идеологические распри, разный. Вот характерный пример. В кишлак на вертолете завезли местным жителям пшено и соль. После раздачи помощи, при взлете, Сябрукович увидел «пацаненка», который выставил перед собой палку и «старательно целился в вертолет». Это очень емкая художественная деталь. Страшно, когда война убивает людей, но еще страшнее, когда она калечит души детей. «Тот целившийся в него афганский пацаненок целый день стоял у Сябруковича перед глазами» (с. 21).

Итак, два героя войны — Великой Отечественной и афганской. Булацкий, как реальная фигура, и Сябрукович, как образ художественный, но имеющий реального прототипа. Общее у них то, что война воспринимается ими как потрясение, испытание, которые неизбежно ведут к пересмотру моральных ориентиров. Но вместе с тем война была у **каждого своя**. В сознание Булацкого она привнесла гордость за свое дело. Василий Сябрукович, чудом выживший, победивший смерть, переполнен болью утраты, горечью воспоминаний об ужасных днях и часах, проведенных в чужих для него горах.

Не хочу останавливаться на недостатках прозы Н. Еленевского. Они несущественны. Перед нами — писатель со своим художественным видением, с внутренней озабоченностью за нравственное состояние современного мира. И умением эту озабоченность донести до читателя.

